

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ И СИБИРИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сопредседатели: директор Юридического института ИГУ, канд. юрид. наук, доц. О. П. Личичан; зам. директора Юридического института ИГУ, канд. хим. наук О. Л. Косинский; д-р ист. наук, профессор кафедры теории истории государства и права Юридического института ИГУ В. Н. Казарин; д-р культурол. наук, доцент кафедры теории истории государства и права Юридического института ИГУ И. А. Арзуманов; канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры теории истории государства и права Юридического института ИГУ М. Г. Тирских.

БОБКОВ А. И.

ПРОБЛЕМА «УЧРЕЖДАЮЩЕГО НАСИЛИЯ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Современное состояние российского общества уже многие годы определяется как кризисное. Кризисное состояние общества, в частности, связано с тем, что логика социальных закономерностей во многом не учитывается на уровне государственной политики. Порой кажется, что управленческие решения принимаются вопреки социальным закономерностям. Причина такого невнимания заключается, на наш взгляд, в том, что любые социальные закономерности, так или иначе, приводят к необходимости введения тех социальных различий, которые позволяют обществу определить структуру разделения общественного труда и перспективы той или иной социальной группы в его контексте.

Возникает вопрос: «Что за различия проявятся в условиях следования социальным закономерностям при принятии управленческих решений?». Прежде всего, следует сказать о том, что эти различия в первую очередь коснутся деятельности социальных групп. Сущность управленческих решений заключена в том, что они дифференцируют человеческую деятельность как социально необходимую и социально неприемлемую. При этом легитимация такой дифференциации достигается отнюдь не на осно-

вании социального знания, а на основе мифологии, которая в данный момент существует.

Поясним, что такое мифология с точки зрения ее отличия от социального знания. Мифология – это восприятие социальной реальности с тех позиций, что совершенная социальная организация является уже окончательно свершившимся достижением совершенной социальной общности. Такое восприятие достигается путем воображения уничтожения общности, которая этой социальной организации противостояла. Например, такая общность, как русский народ, в современной России провозглашается несуществующим, и организация, сориентированная на поддержание его жизнедеятельности, доказала свою полную социальную несостоятельность. Все это происходит на уровне воображения, а не реального изучения состояния социальных структур.

Так как основным управленческим институтом является государство, то возникает вопрос о мифе, легитимирующем учреждающее насилие в глазах социальных групп и общностей. Этот миф вводит так называемые ранги, которые и дают, в итоге, ответ на вопрос: «Следовало ли государство социальной закономерности или нет?». Следует заметить, что невнимание к процессу учреждающего насилия и к мифу, лежащему в его основе, есть демонстрация полного непонимания перспектив развития государственности.

Вместе с тем нельзя не сказать о том, что это невнимание инициировано тем, что традиционные формы торжества данного мифа отброшены полностью или искажены настолько, что их не всегда разглядишь.

Таким образом, мифы, лежащие в основании процесса учреждающего насилия, можно разделить на мифы насилия в пользу массы (толпы) и мифы насилия в пользу традиционно сложившихся социальных групп и общностей. Можно сказать, что государство учреждает либо массу, либо народ, состоящий из тесно интегрированных групп и признающих свое единство и справедливое различие между ними, не мешающее, а, скорее, наоборот помогающее их жизнедеятельности.

При этом при учреждении в пользу массы государство провозглашает социальный эгоизм и безответственность неким главным структурообразующим рангом, который помогает преодолеть безликость и индивидуализирует общество настолько, что

стратегические прорывы кажутся уже делом решенным. Государству кажется, что социальная масса легче воспринимает социальные инновации, нежели этнос, а этнос с его коллективизмом на это восприятие просто неспособен. Декларируется миф о том, что все коллективные ограничения и стратификационные ранги этноса мешают прогрессу и носят ярко выраженный несправедливый характер.

Иными словами, учреждающее насилие в пользу массы привело к тому, что идея социальной справедливости родилась только тогда, когда этнос был признан не способным к прогрессивной социализации субъектов. Государство стремится применить насилие к тем формам социального бытия, которое, на его взгляд, мешает разумному состоянию общества. Отречение от традиции считается признаком рационального мышления, попытка выявить работоспособность традиции считается признаком интеллектуального заблуждения. Государство начинает преследовать традиционные формы социальной дифференциации, сворачивая одну за другой практики их производства.

Самое опасное в таком учреждающем насилии составляет то, что практика этносохранения, возложенная на государство обществом, в эпоху становления социальной системы нового образца вдруг признается невозможной, ибо считается угнетающим социальное развитие опытом. Этот опыт пресекается, и легитимация насилия с его позиций считается недостижимой.

Учреждающее насилие в пользу массы своей интеллектуальной состоятельностью достигает путем констатации факта появления нового человека и новой социальной общности. Основным критерием их объективности считается демократизм и полная ликвидация непреодолимых различий.

Однако на самом деле демократизм и ликвидация различий являются установкой, отвлекающей внимание социальных субъектов от динамики социального и исторического развития. Внимание к этим аспектам человеческого бытия приводит их к констатации факта неспособности государства к выражению общего интереса на основании учреждающего насилия в пользу массы. Причина такой неспособности заключается в том, что масса бессубъектна, а значит и неспособна к реально необходимому социальному протесту. Бессубъектная социальная реальность, ликвидирующая де-юре социальные различия, на самом деле их не ли-

квидирует, но обсуждение этих различий на уровне государственности запрещается. Причем запрет не закрепляется юридически, он неофициален, но его обнаружение не составляет труда – достаточно посмотреть на отсутствие реально работающих стратегических программ развития государственности.

Обсуждение же этих различий обозначает стратегии социального развития в целом, позволяет прогнозировать социальные конфликты и кризисы, выявлять, в конце концов, те стратегии, которые приводят к этим кризисам, а значит выявлять политических субъектов, сориентированных на учреждение социальной патологии через предлагаемую ими стратегию социального развития.

Выявление социальной патологии с позиции противоречия общему интересу есть, вместе с тем, и выявление неправильного вектора учреждающего насилия со стороны государства с неопределенным общим интересом. Масса без общего интереса, действительно, позволяет признать общий интерес некой рациональной моделью, предлагаемой ей со стороны элиты, и поставить государство на службу этой модели. Однако эта модель в очередной раз будет моделью обмана и моделью политического инфантилизма массы. Можно сказать, что учреждающее насилие такого типа есть миф о том, что государство способно только на такое насилие и иного у него в арсенале нет.

Однако насилие, учреждающее массу, есть насилие на основе либерального мифа, утверждающего, что максимум государства не является социальной необходимостью, что учреждение ликвидации государства как выразителя общего интереса есть великая социальная закономерность, наконец-то реализованная в истории.

Немаловажным фактором в таком восприятии государства является то, что проблема общего интереса в таком ключе кажется только сейчас выявленной и примененной единственно верно.

На самом деле из понимания государства как выразителя общего интереса изъята сакральная сущность последнего. Государство воспринимается как некая машина, которую нельзя понимать иначе как обезличивающий механизм, способный только к поддержанию, а не выработке социального порядка. Забывается, что наиболее близким институтом, ускоряющим процесс торжества социальных закономерностей, является государство. В этом и есть его сакральное значение.

Государство без торжества мифа агиократии обречено на измельчание и гибель. Оно не может быть союзом социальных субъектов. А значит проблемы общесоциального масштаба, требующие этого союза для своего решения, не будут решены.

Учреждающее насилие в пользу этого союза способно, наконец, преодолеть политическую апатию массы, ввести ее в качестве полноценного политического субъекта, способного намечать цели социального развития в сторону торжества социальной нормы.

В патологическом социальном организме государству-машине легче всего справляться с минимумом функций, требующих посредственных исполнителей. Оно постоянно декларирует, что агиократия не может быть мифом учреждающего насилия. Святые у власти находиться не могут, ибо об этом свидетельствует история. Секуляризованная история утверждает, что государство никогда не выражало, и не будет выражать общего интереса. Оно всегда разделяло, но не объединяло.

Такой постулат, носящий разрушительный характер, не позволяет вообще соотносить государство и интеллект. От такого государства интеллект просто бежит, а этого бегства как раз и жаждет современный либерализм.

Если же предположить обратное и поставить в основание государства миф насилия, учреждающего союз, мы сразу увидим всю интеллектуальную драму исторического развития любой государственности, а самое главное – придем к убеждению в том, что агиократия не только возможна, она необходима. Также мы убедимся в том, что агиократия торжествует в истории государства тогда, когда интеллект торжествует над рассудком.

Чтобы обозначить более четко ситуацию правильного и неправильного учреждающего насилия, обратимся к пониманию смысла государства Дэвидом Юмом в трактовке Жилия Делеза. Как подчеркивал Делез: «государство, по Юму, нацелено не на репрезентацию общего интереса, а на превращение общего интереса в объект веры, сообщая при этом общему интересу – посредством механизма своих санкций – ту живость, какой естественным образом обладают для нас только частные интересы» [1]. Как видим, правильное учреждающее насилие оживляет общий интерес, а патологическое – наоборот.

Поэтому учреждающее насилие, не покоящееся на мифе торжества общего интереса в истории, является насилием в поль-

зу социальной патологии. Это насилие тотальной десакрализации социального пространства, тотального замедления торжества социальных закономерностей. Насилие, учреждающее веру в общий интерес и вызывающее желание действовать в его контексте, является тем учреждающим насилием, которое позволяет отстоять сакральное значение многих социальных институтов и наметить правильную стратегию социального развития. Государство при таком насилии возвращается в историю и превращает народ в полноценного политического субъекта.

Примечание

1. Цит. по: Грицанов А. А. Жиль Делез. Минск : Кн. дом, 2008. С. 37.

ДЕРЕВСКОВА В. М.

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Право на обжалование судебных решений является не только реализацией конституционного права на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ) и служит защитой интересов частных лиц, но также отвечает интересам правосудия. В судах общей юрисдикции апелляционный пересмотр судебных актов, принятых по первой инстанции, закреплялся в связи с введением института мировых судей, но в полном объеме его регулирование было осуществлено в УПК РФ 2001 г. и ГПК РФ 2002 г. Однако это не означает, что апелляционный порядок пересмотра судебных решений – институт, принципиально для нашего государства новый. Такой порядок существовал в дореволюционной России и был введен судебной реформой 1864 г. и предусматривался в Уставе уголовного судопроизводства и Уставе гражданского судопроизводства [1].

Апелляционный порядок пересмотра в XIX в. действовал в следующих случаях: 1) на все приговоры и решения мировых судей, кроме окончательных (окончательным приговор считался, если в нем предусматривалось наказание в виде штрафа 15 руб. или трех дней ареста, в Сибири – штрафа 100 руб. и трех дней